

21 век. Библиотека школьника

Ч. ДИККЕНС

Приключения
Оливера Твиста

21 век. Библиотека школьника

Чарльз Диккенс

**Приключения Оливера Твиста
(адаптированный пересказ)**

«Автор»

2015

УДК 821
ББК 84(4)

Диккенс Ч.

Приключения Оливера Твиста (адаптированный пересказ) /
Ч. Диккенс — «Автор», 2015 — (21 век. Библиотека школьника)

ISBN 978-5-9989-0890-3

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам. В книгу вошел самый известный роман классика английской литературы Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

УДК 821
ББК 84(4)

ISBN 978-5-9989-0890-3

© Диккенс Ч., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	22
Глава IX	24
Глава X	26
Глава XI	28
Глава XII	30
Глава XIII	31
Глава XIV	34
Глава XV	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Чарльз Диккенс

Приключения Оливера Твиста

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Глава I

повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению

В одном из городов, название которого мы упоминать не будем, стоял дом, именуемый работным, а проще сказать – приютом. Именно в этом доме однажды родился мальчик, имя которого вы прочли в названии главы.

Приходский врач, помогавший родам, сомневался, выживет ли ребенок вообще. Малыш, задыхаясь, лежал на шерстяном матрасике, готовый покинуть этот мир, едва войдя в него. Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и, несомненно, был бы загублен. Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, изрядно набравшейся пива, и приходского врача, малыш и Природа вдвоем выиграли битву: Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и испустил громкий вопль!

Едва малыш подал голос, его мать приподнялась с подушки и слабым голом невнятно попросила:

– Дайте мне посмотреть на ребенка – и умереть.

– Ну, вам еще рано говорить о смерти! – объявил, как можно ласковее, врач и его тут же поддержала старуха, торопливо пряча в карман недопитую бутылку:

– Боже избавь! Ты вначале проживи, столько, сколько я, да произведи на свет тринадцать ребят, из которых только двое останутся в живых, да и те будут с нею в работном доме, вот тогда ты не будешь принимать все близко к сердцу!.. Подумайте, милая, о том, что значит быть матерью! Ай, какой у вас милый ребеночек!

Слова не оказали нужного воздействия и доктор передал малыша в руки матери. Она прижалась холодными, бледными губами к его лбу, провела рукой по лицу, дико осмотрелась вокруг, вздрогнула... и умерла. Врач и старуха бросились растирать ей грудь, руки и виски, но сердце уже не билось.

– Все кончено, миссис Тингами! – сказал, наконец, врач.

– Да, все кончено. Ах, бедняжка! – подтвердила сиделка, подхватывая пробку от зеленой бутылки, упавшую на подушку, когда она наклонилась, чтобы взять ребенка. – Бедняжка!

– Кстати, если ребенок будет кричать – за мной не посылайте, – бросил врач на ходу, натягивая перчатки. – Он может оказаться беспокойным. Ничего страшного: дайте ему жидкой кашки. – Уходя, он приостановился около кровати, – Миловидная женщина... Откуда она пришла?

– Ее принесли вчера вечером по распоряжению надзирателя, – ответила старуха, – Нашли лежащей на улице. А откуда и куда она шла – никто не знает.

Врач наклонился к покойнице и поднял ее левую руку.

– Обычный случай – нет обручального кольца, – прокомментировал он, покачивая головой. – Ну, спокойной ночи!

Врач пошел обедать, а сиделка приложила к бутылке и взялась одевать новорожденного. Голого, его можно было принять и за сына герцога, но едва старуха напялила на малыша пожелтевшую от времени старую коленкоровую рубашонку, все встало на свои места: перед нами был сирота из работного дома, бедняк, чью жизнь должны были сопровождать град ударов и пощечин.

Малыш тем временем кричал не переставая. Если бы он мог знать, что рожден сиротой, то кричал бы еще громче...

Глава II

повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист

Что требуется новорожденному? Конечно же, еда. Приходские власти запросили хозяев работного дома, нет ли женщины, способной кормить малыша – и получили отказ. Тогда было решено отправить Оливера «на ферму» – то есть в дом за городом, где несколько десятков детей и подростков трудились на полях, отрабатывая скудное пропитание и кров. Следила за юными работягами старуха Манн, которой еженедельно выдавалось по семь с половиной пенсов на человека – и которые она незамедлительно прятала подальше, поскольку считала, что такие деньги – чересчур много для бестолковых оборвашек. Свою совесть старуха утешала тем, что корми она ребятню на полную сумму – и те непременно бы объелись, а там и до болезней рукой подать... В философии этой были свои изъяны: дети, которых передавали на попечение старухе, или умирали от голода, или падали по недосмотру в камин, или погибали, задохнувшись дымом. Но, поскольку такая участь ждала не всех, а всего лишь восьмерых из десяти, такая статистика казалась старухе вполне приемлемой.

Иногда, впрочем, случались неприятности. Бывало что несносное дитя, за которым был установлен особый надзор, могло опрокинуть на себя кровать, или упасть в корыто с кипятком. Тогда, разумеется, поднимался шум, начиналось следствие и присяжные нет-нет да и задавали благочестивой старушке неприятные вопросы... Но на помощь миссис Манн всегда приходил врач, который вскрывал труп и ничего в нем не находил, а бидл – чиновник, ведающий защитой детей – всегда говорил именно то, что было нужно приходскому начальству – и дело закрывали. Конечно, члены приходского совета иной раз устраивали внезапные проверки, но накануне о них ставили в известность обитателей фермы, и любые комиссии встречали опрятно одетые миленькие детишки, а можно ли требовать большего?

На этой ферме Оливер провел девять лет, превратившись из крикливого кулика в малорослого, тощего и бледного мальчишку...

Свой девятый день рождения Оливер встретил в компании двух приятелей, правда, не за праздничным столом. Получив изрядную трепку, они втроем оказались в погребе для угля за то, что осмелились заявить, будто голодны – отчаянная наглость!

Сидеть бы им там и сидеть, если бы перед калиткой «фермы» вдруг не появился мистер Бамбл. Приказав служанке немедленно привести малышей наверх и умыть их, миссис Манн бросилась навстречу бидлу.

– Что за безобразие – заставлять приходское должностное лицо ждать у калитки! – возопил бидл, потрясая тростью. На самом деле он не ждал и секунды – но, поскольку считал себя человеком значимым, всегда стремился подчеркнуть это.

– Ах, мистер Бамбл! Я лишь только позвала деток, которые так любят вас! – залезла миссис Манн. Без устали раскланиваясь перед раздраженным Бамблом, она провела его в маленькую гостиную. – Не угодно ли после столь продолжительной прогулки выпить капельку лекарства?..

– Лекарства?

– Да, микстурки, которую я держу для больных ребятешек, и немножко холодной воды, и кусочек сахару. – Не дожидаясь согласия, миссис Манн залезла в шкаф за джином, размешала его водой и подала бидлу.

– Только уважая ваши материнские чувства, – оповестил мистер Бидл и залпом одолел полстакана. – А теперь к делу. У вас проживает малыш, названный Оливером Твистом и ныне ему исполнилось девять лет.

– Да благословит его бог! – миссис Манн старательно потерла уголок глаза и глаз заблестел, словно от слезы.

– Мы предлагали двадцать фунтов тому, кто найдет его отца или родственников – но напрасно.

– Но, раз родных нет, как же он вообще получил фамилию?

– Это я придумал, – гордо выпрямился бидл. – Я называю питомцев по алфавиту. Последний был на букву С, этот – должен был быть на Т. вот я и назвал его Твист. Следующий будет на У. Когда алфавит закончится, я начну сначала.

– Да вы настоящий писатель! – всплеснула руками миссис Манн.

– Ну... – мистер Бамбл не стал особо спорить. – Может, и писатель, отчего бы и нет? Так вот, раз Оливер подрос, то пора ему возвращаться в работный дом.

Миссис Манн мгновенно распорядилась и через минуту Оливер уже стоял перед ней и бидлом.

– Ну, хочешь ли ты пойти со мной? – величественно спросил тот. Оливер готов был сказать, что пойдет куда угодно, лишь бы подальше отсюда, но различил за спиной бидла крепкий кулак старушки и потупился:

– А миссис Манн пойдет с нами?

– Нет, но она сможет иногда навещать тебя.

Оливер тут же разревелся – от радости и облегчения, конечно, хотя и сумел скрыть это. В благодарность за разыгранный спектакль он был награжден демонстративным прощальным поцелуем и – главное – куском хлеба с маслом...

Придя в работный дом, Оливер первым делом расправился с хлебом. Не успел он дожевать кусок, как опять появился бидл и объявил, что мальчик должен предстать перед советом. Оливер не знал, что такое совет и как себя там вести, но мистер Бамбл дал понять, что самое главное – не опоздать, и для ясности вначале огрел Оливера тростью по голове, а потом добавил и по спине. Оливер понял, где очутился, и поспешил за бидлом.

В большой комнате за столом восседали десять упитанных джентльменов. Самый толстый и большой занимал место во главе стола.

– Известно ли тебе, что ты – сирота? – спросил он.

– Как это, сэр? – не понял Оливер.

– Мальчик – дурак! – объявил один из джентльменов, одетый в белый жилет, и все развеселились – даже бидл, забывший отвесить пинок за неразумный ответ.

– У тебя нет ни отца, ни матери, – объяснил старший джентльмен. – Поэтому мы будем воспитывать тебя, мальчик, и обучать. Завтра, с шести утра, ты начнешь трепать пеньку!

Вердикт был произнесен и присутствие Оливера больше не требовалось. Его отвели в какую-то комнату и указали кровать. Оливер рухнул на жесткое ложе, разревелся – и плакал, пока не заснул...

Плакал он зря, ибо ему была дарована милость медленно умирать в работном доме, а не быстро – на улице. Члены совета давно поняли, что на свете слишком много бездельников, рвущихся к дармовой похлебке, а потому каждый, оказавшийся в работном доме, должен был трудиться не покладая рук – вот единственное, что требовалось от оборванцев. За это им полагалось царское вознаграждение: жидкая каша три раза в день и две луковицы в неделю, да еще и полбулки хлеба в воскресенье! Ну, чем не жизнь? Правда, у местного портного было много работы: он раз за разом ушивал одежду этих лодырей – пока они еще могли ее носить, и перешивал, когда кому-то складывали руки на груди. Совет был в восторге, видя, как уменьшается количество бездельников-едоков – значит, страна становилась богаче. Ну, может и не страна, а отдельные ее жители...

В работном доме Оливер прожил полгода – и протянул бы, наверное, еще столько же, если бы не один случай.

Кормили мальчиков в большом зале с котлом. Надзиратель, надев передник, лично разливал кашу по мисочкам. Или половник был невелик, или миски малы – но пары взмахов ложками хватало для того, чтобы выскрести посудину начисто, а потом сидеть, и голодными глазами гипнотизировать котел... Но не всем такое нравилось и однажды паренек, гораздо более крепкий, чем остальные – а оттого и более голодный, объявил, что если ему не прибавят каши, то он в следующую же ночь сожрет своего соседа. Испуганные малыши восприняли мрачную шутку всерьез и, пошушукавшись, бросили жребий: кому просить каши. Выбор пал на Оливера Твиста.

И вот вечером, когда ужин был стремительно съеден, Оливер сжал свою миску худыми пальчиками и подошел к надзирателю.

– Простите, сэръ, я хочу еще, – прошептал Оливер.

Надзирателя словно молния поразила. Он привалился на котел и побледнел: никто за все время его работы здесь не просил добавки!

– Чего тебе? – слабым голосом переспросил он.

– Еще каши... – прошептал Оливер и получил черпаком по голове. Надзиратель схватил мальчишку и, заревев, как бык, помчался к бидлу. Не прошло и нескольких минут, как растрепанного нарушителя втокнули в комнату совета.

– Прошу прощения, господа! – возопил мистер Бамбл. – Оливер Твист попросил еще каши!

Теперь невидимая молния прошла и по distinguished джентльменам. Их лица исказились от ужаса.

– Еще каши? После того, как съел свою порцию? – изумленно спросил глава совета.

– Точно так.

– Этот мальчик кончит жизнь на виселице! – объявил джентльмен в белом жилете.

Никто не стал опровергать этого пророчества. Совет совещался недолго и однозначно решил: посадить неблагодарного под замок и немедленно вывесить объявление о том, что любой, выплативший пять фунтов, сможет забрать негодяя и бездельника в свои руки.

– Никогда и ни в чем я так не уверен, – повторил джентльмен в белом жилете, когда Оливера увели, – как в том, что этого мальчика ждет тюрьма и виселица.

Глава III

рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не синекурой

Следующую неделю Оливер Твист провел взаперти. У него был прекрасный шанс исполнить пророчество джентльмена в белом жилете – повеситься, скажем, на носовом платке. Но, поскольку платки считались непозволительной роскошью для носов бедных людей, идея эта так и осталась неисполненной.

Каждое утро Оливеру было разрешено мыться под насосом во дворе, а чтобы мальчик не замерз и не заболел, мистер Бамбл лично заботился о здоровье Оливера, разогревая его тычками трости. Не был мальчик лишен и общения: каждые два дня его выводили на место преступления – в столовую – и от души пороли на глазах остальных воспитанников.

В один из таких дней мимо работного дома проходил мистер Гэмфилд. Трубочист по профессии, в этот миг он был занят тем, что искал способы раздобыть пять фунтов, чтобы отдать долг за квартиру. Способы не находились – и в этот миг Гэмфилд разглядел на стене листок объявления.

Осел, исправно тащивший тележку с мешками, заполненными золой, не поторопился остановиться по велению хозяина и был немедленно наказан серией крепчайших ударов. Джентльмен в белом жилете, стоявший на пороге работного дома, улыбнулся, наблюдая эту сцену, ибо сразу понял: это именно тот хозяин, который нужен несносному Оливеру. Тем временем Гэмфилд, прочтя объявление, улыбнулся тоже: пять фунтов сами шли в его руки, а что касается мальчишки... Гэмфилд знал, как кормят в работном доме, а значит, малец наверняка был мелким и мог бы пролезть в любой дымоход.

– Если приход пожелает, я хотел бы взять этого мальчику и позаботиться о нем, – объявил Гэмфилд джентльмену в белом жилете.

Получив приглашение войти, Гэмфилд угостил осла накрепчайшим пинком, дабы он не вздумал сбежать – и вошел в дом.

Совет собрался незамедлительно, а размышлял недолго. Гэмфилд слышал лишь тихое «сокращение расходов», «прекрасно отразится на балансе», «отразим в отчете»...

Наконец перешептывание прекратилось.

– Мы обсудили ваше предложение, – объявил глава совета, – и не одобряем его.

– Совсем не одобряем! – подтвердил джентльмен в белом жилете.

– Решительно не одобряем! – закивали члены совета.

– Стало быть, вы не отдадите мне мальчику? – попятился к дверям Гэмфилд, решивший, что членам совета стало каким-то образом известно о тех трех или четырех бездельниках, которых он забил до смерти.

– У вас грязная работа, недостойная юных джентльменов, поэтому мы считаем, что должны снизить объявленную премию.

Это меняло дело. Гэмфилд мигом оказался около стола:

– Сколько же вы дадите? Ну-ка?

Отбросив условности, джентльмены и Гэмфилд занялись торгом и в итоге сошлись на трех фунтах пятнадцати шиллингах. Под занавес сделки джентльмен в белом жилете дал несколько ценных рекомендаций: время от времени потчевать мальчишку палкой и не слишком закармливать.

После этого Оливера выпустили из заточения, надели чистую рубашку, а мистер Бамбл собственноручно принес миску с кашей и небывало большую порцию хлеба – никак не меньше пятидесяти граммов.

Оливер не выдержал и расплакался – и ронял слезы все время, пока ел кашу, хотя в ней и так было много воды.

После кормежки мистер Бамбл отвел Оливера в магистрат. В просторном зале их ожидали Гэмфилд, председатель совета и два джентльмена в напудренных париках. Один читал газету, а второй дремал.

– Вот этот мальчик, ваша честь, – объявил мистер Бамбл.

Тот, что читал газету, тихонько дернул второго за рукав.

– О! – проснулся тот. – Тот самый? Ну-с, думаю, ему нравится ремесло трубочиста – раз он идет в обучение?

– Он без ума от этой работы.

– А будет ли его будущий хозяин заботиться о нем, кормить, и так далее?

– Раз говорю, что буду, то буду, – угрюмо подтвердил Гэмфилд и оскалился, чем привел в ужас бедного Оливера.

– Вы производите впечатление честного и прямодушного человека, – вынес вердикт судья, близоруко всматриваясь на зверскую физиономию Гэмфилда.

Оставалось лишь подписать бумаги. Судья потянулся за чернильницей, и тут его взгляд случайно упал на дрожащего от страха Оливера.

– Что с тобой, мальчик? – спросил судья. Оливер вздрогнул и заревел, умоляя, чтобы его увели обратно в заточение, морили голодом, били хоть каждый день – только не отдавали этому страшному человеку!

– Вот как?! – возмутился мистер Бамбл. – Это самый коварный и лукавый сирота из всех, что я видел, ваша честь! Какая черная неблагодарность!

– Придержите язык, бидл, – неожиданно строго сказал второй судья и даже отложил газету.

Мистер Бамбл окаменел от изумления. Судьи переглянулись и кивнули друг другу.

– Мы отказываемся утвердить этот договор, – сказал один.

– Надеюсь... надеюсь... – пролепетал мистер Бамбл, – вы не считаете... будто приходские власти виновны в каком-то недостойном поступке...

– Это не наше дело, – резко оборвал судья. – Отведите мальчика в работный дом и обращайтесь с ним хорошо. По-видимому, он в этом нуждается.

В тот вечер джентльмен в белом жилете заявил, что повешение Оливеру не грозит, ибо его обязательно четвертуют. А наутро на стене вновь появилось объявление о том, что Оливер Твист сдается внаем и цена за него прежняя – пять фунтов.

Глава IV

Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще

Члены совета, разумеется, не собирались отступить от своего желания спровадить Оливера Твиста подальше от работного дома. Они пришли к выводу, что лучший способ избавиться от него – это отдать мальчишку на какой-нибудь корабль. Мистера Бамбла немедленно отправили в порт навести предварительные справки, а когда тот возвращался обратно, то встретил у ворот приходского гробовщика мистера Саурбери.

Длинный и жилистый Саурбери был вечно угрюм и всегда обряжен в черное.

– Я снял мерки с двух женщин, что умерли ночью, – сообщил он мистеру Бамблу, протягивая табакерку, сделанную в виде маленького гробика.

– Так вы сколотите состояние! – дружелюбно прокомментировал это известие Бамбл, запуская пальцы в табакерку.

– Не думаю, – сварливо ответил гробовщик. – Приходской совет назначил слишком низкую цену... А ведь высушенное дерево стоит недешево, мистер Бамбл!

– Кстати, – перебил его Бамбл, мысли которого были заняты иным, – может, вы знаете кого-нибудь, кому требуется мальчишка? Очень выгодные условия, мистер Саурбери, очень выгодные!

И в доказательство мистер Бамбл постучал тростью по объявлению на стене.

– Ах ты, господи! – завопил гробовщик и его худое лицо его озарило радостью. – Да ведь об этом я и хотел поговорить! Я ведь исправно плачу в пользу бедных, а значит, могу и рассчитывать на кое-что! Я возьму у вас этого мальчишку – как вы на это посмотрите?

Вместо ответа мистер Бамбл подхватил гробовщика под руку и повел в дом. Пяти минут оказалось достаточным, чтобы решить дело: члены совета тут же постановили отправить Оливера Твиста гробовщику «на пробу». То есть, если хозяин убедится, что мальчишку можно кормить едва-едва, а делать он сумеет многое, то сможет оставить его у себя на определенный срок.

Все пожитки Оливера уместились в бумажном пакете. Надвинув шапку на глаза и, уцепившись за обшлаг мистера Бамбла, мальчик отправился на новое место.

Когда они вошли в дом гробовщика, тот уже закрыл в лавке ставни и что-то записывал в толстой приходно-расходной книге.

– Эге! – оторвался от своего занятия гробовщик. – Уж не тот ли это мальчик?

Он поднял повыше свечу и неяркий свет озарил заплаканное личико Оливера – покашли, он опять не сдержался и заплакал.

– Он самый, – подтвердил мистер Бамбл, а Оливер поклонился.

Из маленькой комнатки позади лавки появилась тощая, похожая на старую лисицу женщина – супруга Саурбери. С ее лица не сходило ехидное выражение.

– Какой он маленький... – презрительно бросила миссис Саурбери, разглядывая Оливера.

– Ну что ж, он действительно мал ростом, – внимательно, словно в первый раз, оглядев мальчика подтвердил мистер Бамбл. – Но он обязательно подрастет, миссис Саурбери...

– Еще бы! – раздраженно проскрипела хозяйка. – Что ж не расти на нашем-то хлебе! Я все время говорю мужу: от приходских детей никакого толка – одна морока! Но вы, мужчины, всегда думаете, что знаете все лучше нас... Ну, ступай вниз, мешок с костями!

Он открыла боковую дверь и вытолкала Оливера на лестницу, ведущую в подвал, который в этом доме служил и кухней. У очага сидела девушка в грязном платье и стоптанных башмаках.

– Шарлот, – велела хозяйка, – отдай мальчишке остатки мяса, которые я отложила для пса – тот с утра не приходил домой. Надеюсь, ты не настолько привередлив, чтобы отказаться?

Отказаться?! Да при одном слове «мясо» у Оливера зажглись глаза и желудок затрубил победную песню! Оливер набросился на объедки так, словно перед ним стоял рождественский пирог.

– Ну, закончил? – поинтересовалась хозяйка, с тревогой наблюдая за совсем нежелательным проявлением аппетита.

Оливер огляделся по сторонам и, увидев, что ничего съедобного поблизости нет, кивнул.

– Пойдем, – прокрипела миссис Саурбери и стала подниматься по лестнице. – Я покажу, где ты будешь спать. Думаю, под прилавком будет в самый раз. Правда, там стоят гробы – но ведь ты ничего не имеешь против гробов?

Глава V

Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина

Вскоре Оливер остался в лавке один. В лавке было душно и жарко, а воздух пропитывал запах дерева. Единственным источником света была лампа на верстаке. Тусклого освещения было вполне достаточно, чтобы разглядеть недоделанный гроб на широких черных козлах, стоявший посреди лавки. Холодок пробежал по спине мальчика: ему показалось, что вот-вот кто-то страшный покажется из гроба.

Замирая от страха, Оливер забрался на тюфяк под прилавком. Это новое пристанище больше всего напоминало могилу – но усталость быстро дала знать о себе и мальчик заснул.

Разбудил его грохот: кто-то нетерпеливый ломился в лавку.

– Сейчас отопру, сэр! – закричал Оливер, бросаясь к двери.

– Должно быть, ты и есть тот самый новый мальчишка? – спросили за дверью, пока Оливер возился с замком и цепочкой.

– Да, сэр.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался голос.

– Десять, сэр.

– Значит, я тебя вздую, как только войду! – пообещал голос.

Дрожащей рукой Оливер отодвинул засов... Вместо сердитого джентльмена он увидел большеголового толстощекого мальчишку, который сидел на тумбе перед домом и поедал кусок хлеба с маслом.

– Простите, это стучали вы? Вам нужен гроб?

Простодушный вопрос привел толстяка в ярость. Вопя, что гроб скоро понадобится ему самому, мальчишка влепил Оливеру крепкого пинка.

– Меня зовут Ноэ Клейпол, а ты находишься под моим началом! Живо открой ставни, ленивая тварь!

Оливер кинулся выполнять приказ и при этом разбил стекло в одном из окон. Заверив Оливера, что ему за это обязательно «влетит», Ноэ смилостивился и помог отнести тяжелые ставни во дворик дома. Вскоре появились мистер и миссис Саурбери – и Оливеру действительно незамедлительно «влетело». Закончив выволочку, миссис Саурбери разрешила мальчишкам пойти позавтракать.

Шарлот встретила Ноэ гостеприимно, усадив поближе к очагу, налив чаю и подвинув блюдо с куском копченной грудинки. Оливеру достались объедки, которые вместо тарелки положили на крышку от кастрюли. Что ж, Ноэ в глазах Шарлот заслуживал привилегий – ведь он был не сиротой из работного дома, а приютским мальчиком: у него были и отец – инвалид-ветеран, и мать-прачка, жившие неподалеку от лавки гробовщика, только они не могли заботиться о сыне и сдали его в приют.

Окрестные мальчишки дразнили Ноэ – и он сносил оскорбления безропотно. Однако, теперь у него в подчинении появился тот, на ком можно было отыгаться за обиды. И Ноэ не упускал случая сделать это.

Однажды – Оливер жил у гробовщика уже больше месяца – мистеру Саурбери пришла на ум одна идея.

– Дорогая, – обратился он за ужином к супруге, – ты заметила, какой милovidный Оливер?

– Еще бы! – истерично хихикнула миссис Саурбери. – Ведь он столько ест!

– Я не о том, дорогая. У него меланхоличное выражение лица. Думаю, из него получился бы неплохой мьют.

Миссис Саурбери удивленно вскинула брови. Мьют? Мьютами именовали людей, специально нанятых для того, чтобы следовать за гробом. Неужели муженек всерьез думает...

Поняв, что сейчас сомнения будут озвучены, мистер Саурбери торопливо продолжил:

– Я говорю не о настоящем мьюте, а только о мьюте для детей. Представляешь: несут малыша, а следом вышагивает практически такой же малыш, полный скорби и сострадания. Очень эффект но, как ты считаешь?

И, хотя миссис Саурбери совсем не понравилось, что такая очевидная идея пришла в голову муженьку, а не ей, она должна была признать: выдумка превосходна! А вскоре представился и случай воплотить ее в жизнь.

Утром в лавку явился мистер Бамбл. Неторопливо достав вместительный бумажник, он извлек из него клочок бумажки и протянул гробовщику.

– Эге! – просиял мистер Саурбери. – Никак, заказ на гроб?

– И гроб, и похороны, – подтвердил мистер Бамбл, затягивая ремешок толстого бумажника.

– Бейтон? – прочел гробовщик. – Никогда не слышал такой фамилии.

– О, на удивление упрямая семейка! – неодобрительно сообщил мистер Бамбл. – Третьего дня вечером у них разболелась хозяйка. Послали за врачом. Врач в ту пору уехал на званый обед, но смысленный ученик сейчас же послал Бейтонам какое-то лекарство в баночке из-под ваксы.

– Быстро сработано! – похвалил гробовщик.

– Именно так! Но муж несчастной тут же сообщает, что принимать это лекарство его супруга ни за что не будет, так как оно от этой болезни не помогает! Виданная наглость! Прекрасное, полезное лекарство, которое неделю назад очень помогло двум ирландским рабочим и грузчику угля!.. Тем более, что его послали даром, в специальной баночке из-под ваксы – и на тебе!

– О! – только и сказал гробовщик.

– Именно так! – подтвердил мистер Бамбл и с силой пристукнул тростью. – Невыносимое упрямство! И вот теперь мы должны организовывать похороны!.. Вот адрес этих упрямец – сделайте все побыстрее!

Мистер Бамбл так возбудился от рассказа, что одел треуголку задом наперед и не заметив этого вышел из лавки.

– Ах, Оливер, он так рассердился, что даже не спросил о тебе! – заметил гробовщик, глядя вслед быстро удаляющемуся бидлу.

– Да, сэр, – подтвердил Оливер, который на самом деле старался не показываться на глаза бидлу.

– Ну что ж, чем быстрее мы покончим с новым делом, тем лучше... Ноэ, присмотри за лавкой. А ты, Оливер, надень шапку и ступай за мной.

Вначале они шли по людным кварталам города, а потом свернули на улочку, еще более грязную и жалкую чем те, которые они только что миновали. По обе стороны улицы поднимались большие, высокие, но очень ветхие дома. Здесь обитала беднота. Иногда им попадались лавки, но торговцы давно поняли, что торговать здесь не для кого и теперь двери лавок были наглухо заколочены. Помещения быстро разрушались, но и там, по видимому, обитали люди: об этом свидетельствовали дыры, заменяющие бездомным двери. От сточных канав тянуло затхлой мерзостью.

На двери нужного дома не оказалось ни молотка, ни ручки звонка. Гробовщик толкнул дверь и она с трудом отворилась. По темному коридору они на ощупь пробрались на второй этаж. Наткнувшись на какую-то дверь, гробовщик постучал.

Им открыла девочка лет тринадцати. Едва заглянув за порог, гробовщик понял, что попал по адресу.

Огонь в очаге не горел, но какой-то человек по привычке сидел около холодных углей. Рядом с ним сидела старуха. В другом углу копошились оборванные дети, а в нише напротив двери лежало что-то, прикрытое старым одеялом. Увидев этот предмет, Оливер задрожал и прижался к гробовщику: он понял, что скрывается под одеялом.

– Никто к ней не подойдет! – заорал мужчина, увидев гробовщика. – Будьте вы прокляты! Не подходите, если вам дорога жизнь!

– Вздор! – примирительно сказал мистер Саурбери, который привык к любым ситуациям.

– Я не позволю ее зарыть! – не унимался мужчина. У него были глаза, налитые кровью, а седые волосы страшно растрепались. – Не найти ей там покоя: черви будут мешать, черви!.. Но они не смогут глотать ее – так она иссохла! Ее уморили голодом – вот что я вам скажу!

Не вступая в разговоры, мистер Саурбери достал из кармана мерку и взялся обмерять труп.

– Не было огня в очаге, и свечей тоже не было! – продолжал орать красноглазый. – Она умерла в темноте, не видя лиц своих детей, хотя они и стояли рядом! Для нее я просил милостыню, а меня посадили в тюрьму. Когда я вышел, она уже умерла. Ее уморили голодом!

Красноглазый вцепился себе в волосы и забился в припадке. На серых губах выступила пена.

Дети разревелись, но старуха пригрозила – и все смолкли.

– Это моя дочь, – пояснила старуха, подмигивая круглым птичьим глазом. – Я была молода, когда родила ее, теперь я весела и здорова, а она мертва... Когда ее похоронят? Велите прислать теплый плащ, чтобы я могла идти за гробом. И пирожка, и вина перед тем, как идти. Вы пришлете хлеба? Ковригу хлеба?

– Да, да, обязательно, – гробовщик вырвался из цепких старушечьих лап и торопливо вышел вон.

Мистер Саурбери не напрасно обнадежил старуху: два фунта хлеба и кусок сыра были доставлены на следующий день лично мистером Бамблом. Когда гробовщик и Оливер пришли в дом покойной, Бамбл и четверо рабочих, которым предстояло нести гроб, уже были там. Нашелся и черный ветхий плащ для старухи.

Процедура была проста: гроб завинтили и, выйдя на улицу, рабочие пустились рысцой – чтобы не заставлять ждать священника. Все остальные едва поспевали за носильщиками.

Впрочем, можно было не торопиться. На заросшем крапивой участке кладбища, где хоронили приходских, они нашли лишь клерка, который охотно сообщил, то священника если и придет, то только через час. Гроб сбросили к краю могилы и ушли в ризницу греться у камина, а красноглазый и старуха остались ждать под холодным морозящим дождем.

Прошел час. Священник, наконец, явился, прочел из погребальной службы ровно столько, сколько можно прочесть за четыре минуты и церемония на том завершилась.

– Засыпайте, – велел мистер Саурбери.

Работа эта была нетрудной: в могиле было уже столько гробов, что от поверхности их отделяло не больше метра. Могильщик набросал земли, притоптал ее и ушел, закинув лопату на плечо.

– Ступай, приятель! – сказал мистер Бамбл, хлопнув по плечу красноглазого. – А то ворота кладбища сейчас закроют!

Мужчина, который за все время так и не пошевелился, оставался неподвижным. Пришлось окатить его из кружки и вместе с плачущей старухой (у нее отобрали плащ, что и вызвало поток слез) выпроводить с кладбища.

– Ну что, понравилось тебе, Оливер? – поинтересовался мистер Саурбери.

– Не очень, сэр, – нерешительно ответил Оливер.

– Ничего, – сказал гробовщик. – Быстро привыкнешь.

Интересно, а как долго пришлось привыкать к этому самому мистеру Саурбери? Этот вопрос интересовал Оливера, но задать его он не решился.

Глава VI

Оливер, раздраженный насмешками Ноэ, приступает к действиям и приводит его в немалое изумление

Прошел месяц испытательного срока и Оливера официально приняли в ученики. Настала осень и спрос на гробы поднялся. Старожилы не могли помнить, когда еще так свирепствовала корь, забиравшая младенцев десятками. Оливер возглавлял многие траурные процессии, вызывая умиление и восторг всех матерей города. Иногда гробовщик брал его и на взрослые похороны, чтобы мальчик мог поучиться смирению и умению держать себя.

При этом жилось Оливеру отнюдь не сладко. Ноэ помыкал им, завидуя новой шляпе с черной лентой и черному жезлу; Шарлот относилась плохо, потому что плохо относился к нему Ноэ; миссис Саурбери не жаловала, потому что мистер Саурбери относился к Оливеру по-дружески.

Однажды Оливер и Ноэ спустились в кухню пообедать. Кусок мяса оставленный на столе оказался чересчур дрянным – и Ноэ отдал его Оливеру, решив дождаться отлучившуюся по делам Шарлот. Однако, Ноэ не был бы самим собой, если бы не использовал свободное время для того, чтобы поиздеваться над Оливером.

Он пару раз дернул его за уши и вслух помечтал о том, что когда-нибудь увидит «подлизу» на виселице. Но, поскольку Оливер не заплакал – а именно этого добивался Ноэ – то решил перейти на личности.

– А где твоя мать, щенок? – поинтересовался он.

– Она умерла. Не нужно о ней ничего говорить, – попросил Оливер.

Ноэ заметил, что у мальчика задрожали губы и, решив, что желанная цель близка, обрадовался: он на верном пути!

– А отчего она умерла, щенок? – вкрадчиво спросил он.

– Старые сиделки говорили, что от разбитого сердца, – сказал Оливер, обращаясь словно бы к самому себе. Мне кажется, я знаю, что это значит...

– Тра-ля-ля, щенок! – радостно заорал Ноэ, увидев, что по щеке Оливера скатилась слеза. – Что довело тебя до слез, щенок?

– Не вы, – тихо ответил Оливер. – Не воображайте, что вы.

– Не я? Точно не я?

– Не вы. И не говорите больше о моей маме. Лучше не говорите.

– Не говорить? – расхохотался Ноэ. – Не говорить о том, что твоя мать была обыкновенной шлюхой?

Оливер вздрогнул.

– Что вы сказали?

– Самой настоящей шлюхой, щенок, – отдельно произнес Ноэ. – И хорошо, что она умерла, а то бы ей пришлось сидеть в тюрьме или болтаться на виселице. Да, скорее всего – на виселице, потому что...

Он не договорил, потому что Оливер мгновенно вцепился ему в горло, тряхнул, что было сил, а потом со всего размаха ударил и сбил с ног.

– Он меня убьет! – заверещал Ноэ. – Шарлот! Хозяйка! Помогите! Оливер сошел с ума!

На крик тотчас же отозвалась Шарлот. Она кубарем слетела по лестнице и схватила Оливера, колотя его и царапая. Подоспевшая миссис Саурбери мгновенно оценила ситуацию и, решив, что одних кулаков Шарлот для усмирения Оливера будет мало, присоединилась к избивению. Тут вскочил с пола и Ноэ...

Выбившись из сил, троица поволокла Оливера, вырывающегося и кричащего, в чулан и заперла там. Покончив с этим, миссис Саурбери без сил рухнула в кресло.

– Воды, скорее воды! – заверещала Шарлот.

– О, Шарлот! – выдохнула миссис Саурбери, когда часть воды была вылита на разгоряченное лицо, а часть – выпита. – Какое счастье, что нас всех не зарезали в постели!

– О да, это счастье, – подтвердила служанка. – Надеюсь, теперь хозяин подумает, прежде чем будет брать этих уродов из работного дома! Бедный Ноэ – он едва был жив, когда я вошла!

– Бедняжка! – пожалела и миссис Саурбери, глядя, как Ноэ пытается выдавить из глаз хоть одну слезинку. – Что же нам делать, Шарлот? В доме нет мужчин, а это чудовище может в любой миг выломать дверь!

Оливер, действительно, колотил изо всех сил, хотя малышу было не под силу сломать дубовую дверь.

– Может, пошлем за полицией? – предложила Шарлот.

– Или за солдатами! – высказался Ноэ.

– Нет! – вспомнила вдруг миссис Саурбери. – Беги, Ноэ, к мистеру Бамблу и веди его сюда!

Глава VII

Оливер продолжает бунтовать

Ноэ стремглав промчался по улицам и остановился только у ворот рабочего дома – да и то лишь затем, чтобы сквасить самую плаксивую из гримас, на какую был способен.

– Позовите мистера Бамбла! – завопил он в лицо нищему, открывшему ворота, да так громко, что мистер Бамбл, находившийся в отдалении услышал безо всяких посредников.

– Что случилось? – спросил он, подбегая.

– О, мистер... там... Оливер...

– Сбежал? – не скрывая радости спросил бидл.

– Нет, сэ! Он хотел убить меня! Потом убить Шарлот! Потом убить хозяйку! – поняв, что перечислять больше некого, Ноэ застонал, завыл и стал корчиться, демонстрируя, как ему больно.

Вой был услышан джентльменом в белом жилете, проходившем по двору.

– Какого черта визжит этот негодник? – поинтересовался он.

– О, – ответил, выходя из ступора, мистер Бамбл, – его чуть не убил тот зловредный мальчишка, Твист.

– Ну и ну! – всплеснул руками джентльмен. – А я ведь с самого начала говорил, что негодяй закончит виселицей! Ну, а что же ты хочешь от нас?

– Хозяйка просила узнать, не сможет ли мистер Бамбл придти и выпороть мальчишку, так как хозяина нет дома.

– Разумеется! – расплылся в улыбке джентльмен в белом жилете. – Вот тебе пенни, хороший мальчик. А вы, мистер Бамбл, ступайте – и не забудьте трость!

За время отсутствия Ноэ ситуация ничуть не изменилась: Оливер продолжал так же яростно колотить в дверь подвала, как и полчаса назад. Мистер Бамбл послушал и решил, что вначале стоит поговорить.

– Оливер! – крикнул он через дверь. – Ты узнаешь меня?

– Да! – слышалось изнутри. – Откройте!

– И ты не боишься меня?

– Нет! – раздалось из-за двери и мистер Бамбл, не ожидавший такого дерзкого ответа, попятился прочь.

– Он сошел с ума! – поспешила заверить его миссис Саурбери. – никто не осмелится говорить с вами в таком...

– Это не сумасшествие, – оборвал ее бидл. – Это МЯСО!

– Что?

– Мясо. Вы закармлили его мясом. Если бы вы давали ему одну кашу, у него не было бы желания и сил бунтовать.

– Ах, боже мой! – закатила глаза миссис Саурбери. – Вот что значит быть щедрой! Но что же нам делать?

– Единственное, что я могу порекомендовать – это оставить негодника на день-два взаперти, а затем вывести и кормить только кашей все время, пока не закончится срок обучения.

В это время возвратился мистер Саурбери. Ему немедленно пересказали события, в ходе которых Оливер превратился из просто чудовища в ужасающего монстра, готового рвать на клочки всех, кто попадется ему на пути. Гробовщик вытащил Оливера из подвала и для успокоения вlepил ему затрещину.

– Ну, что тут случилось?

– Он ругал мою мать, – ответил Оливер, с ненавистью глядя на Ноэ.

– Ну и что? – завопила миссис Саурбери. – она заслужила все, что о ней говорил этот мальчик, и даже больше!

– Нет, не заслужила!

– Заслужила! – заверещала миссис Саурбери и залилась слезами.

Мистер Саурбери уже подумывал отпустить Оливера, но истерика жены заставила его переменить решение. Помедли он хоть секунду, и вечер был бы испорчен бесконечными упреками и ругательствами... И гробовщик отходил Оливера так, что мистер Бамбл даже не подумал дополнить урок своей тростью. Закончив порку, гробовщик запер Оливера в чулане.

До ночи Ноэ и Шарлот насмеялись над ним, но Оливер стойко терпел, не желая доставлять им удовольствия услышать плачь... Только поздним вечером хозяйка выпустила мальчика. Он свернулся калачиком в своем «гнезде» под прилавком и тихонько заплакал.

В эту ночь он так и не заснул. Под утро, связав свои немудрящие пожитки в узел, он вышел из дома.

Не зная, куда идти, он остановился. Потом вспомнил, что повозки, выезжая из города всегда двигались дорогой через холм. Приняв решение, Оливер зашагал в ту сторону.

Путь его проходил мимо фермы, где он когда-то жил. Обитатели фермы еще спали и только какой-то мальчик работал в огороде, пропалывая грядки. Оливер подошел поближе и увидел, что это Дик – малыш, с которым он прежде дружил. Дик бросил тяпку и подбежал к ограде, протягивая худую ручку, чтобы поздороваться.

– Хорошо, что я увидел тебя, Дик. Еще никто не встал?

– Только я.

– Это хорошо. Не говори, что ты меня видел. Я сбежал, чтобы поискать счастья где-нибудь далеко. Меня били и обижали, а я не хочу терпеть это!.. Ты такой бледный, Дик...

– Я слышал, как доктор сказал, что я умру, – ответил мальчик.

– Это неправда, Дик! Мы еще увидимся, и ты будешь здоровым и счастливым!

– Нет, доктор не обманывает. Мне часто снятся ангелы и небо. Если мы и увидимся, то не на этом свете.

Мальчик вскарабкался на низкую калитку и обнял Оливера.

– Прощай – и пусть тебя благословит бог!

Это был первый раз в жизни Оливера Твиста, когда на него призывали благословение – и потому этот миг он запомнил навсегда.

Глава VIII

Оливер идет в Лондон. Он встречает на дороге странного молодого джентльмена

Около восьми часов утра Оливер вышел на большую дорогу. Опасаясь преследований, он шел, то и дело прячась за изгородями. Спустя несколько часов, устав, он сел под столб и задумался, куда же ему идти и где жить.

На столбе крупными буквами было написано, что отсюда до Лондона семьдесят миль. Лондон! Огромный город, где никто и никогда не сможет найти его! Город, о котором говорили, что ни один толковый парень не будет терпеть нужды, попади он туда! Это было самое подходящее место для бездомного – и Оливер, вскочив на ноги, тут же заспешил в нужном направлении.

Только пройдя четыре мили, он сообразил, как много еще осталось. В узелке у него были корка хлеба, две пары чулок и грубая рубаха, а в кармане – пенни, подаренное мистером Сауэрбери после каких-то похорон. Ни один из предметов не мог служить серьезным подспорьем в дальнем походе и Оливер, так ничего не придумав, зашагал дальше.

В тот день он прошел двадцать миль и заночевал в стогу. К утру мальчик так закоченел и проголодался, что в первой же деревне обменял пенни на хлебец, который тут же съел. В этот день он одолел только двенадцать миль и снова заночевал в поле.

Утром его нагнала почтовая карета, но все просьбы и мольбы не разжалобили пассажиров. Напрасно Оливер бежал за каретой – никто не бросил ему медяка.

В некоторых деревнях его встречали объявления, что любого, кто просит милостыню, ожидает тюрьма. Оливер старался побыстрее миновать эти места. Впрочем, и другие были столь же гостеприимные: мальчика гнали отовсюду. Если бы не сторож у заставы не накормил хлебом и сыром, Оливер в конце концов бы умер посреди дороги.

На седьмой день, обессиленный, он достиг городка Барнет. Не в силах идти дальше, он сел под какой-то дверью. Было раннее утро и городок только просыпался. Улицы постепенно становились все более людными, но никто так и не поинтересовался, что здесь делает худой оборванный мальчик.

– Эй, парнишка! Какая беда стряслась? – раздалось вдруг над ухом у Оливера. Перед ним стоял мальчик примерно такого же возраста, ужасно грязный, но вместе с тем необычайно важный. Он с нескрываемым любопытством буравил Оливера маленькими противными глазками.

– Я голоден и устал. Я иду уже семь дней, – слеза невольно выкатилась на бледную щеку Оливера.

– Ну что ж, хоть я и на мели, а помогу тебе подкормиться! Вставай, пойдём! – приказал мальчишка.

Они зашли в ближайшую лавку и там незнакомец купил ветчины и половину булки. После этого они переместились в трактир, где мальчик заказал себе пива, а еду отдал Оливеру.

– Ты идешь в Лондон?

– Да.

– Квартира есть?

– Нет.

– Деньги?

– Нет...

Мальчишка присвистнул.

– А вы живете в Лондоне? – спросил Оливер.

– Да, когда бываю дома. Знаешь, я помогу тебе с ночлегом.

Правда, благодетель, которого звали Джеком Даукинсом по прозвищу Плут, не хотел идти в Лондон, пока не стемнеет. И только в одиннадцать вечера они прошли заставу у Айлингтона. Тут Джек вдруг припустил, что было мочи. Оливеру ничего не оставалось, как бежать следом, едва обращая внимание на то, где пролегает их путь. Впрочем, особо смотреть было не на что: они следовали узкими грязными улочками, зловонными, словно сточные канавы. Вокруг было великое множество мелких лавочек и трактиров. Копошились в грязи дети, орали пьяные ирландцы, крались вдоль стен подозрительные типы...

Оливер уже было думал улизнуть, как Джек схватил его за руку и затащил его в какую-то дверь.

– Эй, кто там? – раздалось снизу.

– Плутни и удача! – ответил Джек. Очевидно, это был условный сигнал и тотчас же в дальнем конце коридора вспыхнул тусклый свет лампы.

– Э, да вас двое! Откуда он?

– Из страны желторотых, – не слишком понятно пояснил Джек. – Феджин наверху?

– Сортирует утиралки, – ответил мужчина и исчез.

В полной темноте они поднялись на второй этаж и оказались в большой комнате. На полу валялось несколько тюфяков. Перед очагом стоял круглый стол, а на нем – свеча и остатки еды.

У очага, склонившись к огню, стоял старый еврей с всклокоченными рыжими волосами. У него было отталкивающее злобное лицо – впрочем, Оливер на своем коротком веку уже насмотрелся на такие физиономии, и эта его не удивила. Гораздо удивительнее было то, что за столом сидело несколько мальчишек не старше Оливера, с солидным видом кутивших трубки и пивших виски.

– Ну, – сказал Джек, – знакомьтесь: это мой друг Оливер Твист.

Мальчишки крепко пожали ему руки, а еврей, усмехнувшись, отвесил поклон.

Оливера усадили поближе к очагу, налили порцию горячего джина с водой и наложили сосисок. Едва Оливер расправился и с тем и с другим, как почувствовал, что глаза его неудержимо закрываются. Он едва добрал до указанного ему тюфяка и заснул без сновидений.

Глава IX

содержащая различные сведения о приятном старом джентльмене и его многообещающих питомцах

Проснулся Оливер поздно. В комнате уже никого не было, лишь старый еврей готовил себе завтрак. Радуюсь тому, что не нужно вскакивать, как по тревоге, Оливер продолжал дремать, слабо улавливая то, что происходит в комнате. Он слышал, как еврей позавтракал, как прошелся по комнате взад-вперед и запер дверь на ключ. Потом сквозь полуопущенные веки Оливер увидел, что старик вытащил откуда-то из-под пола шкатулку и водрузил на стол. Глаза старика радостно заблестели, когда он открыл крышку. Оливер увидел в руках старика великолепные, сверкающие драгоценными камнями золотые часы.

– Превосходная штука – смертная казнь! – пробормотал еврей, разглядывая часы. – Мертвые никогда не выболтают чужих секретов!

Он положил часы на место и достал другие, не менее дорогие. Потом на свет божий были извлечены броши, кольца, браслеты. Оливера невольно увлек блеск драгоценностей и он окончательно проснулся. И тут старик, бросив взгляд в угол комнаты, встретился глазами с Оливером.

– Что такое? – мгновенно окрысился еврей, хватая в руки хлебный нож. – Почему не спишь? Что ты видел? Говори, если тебе дорога жизнь!

– Простите, если я вам помешал, – как можно спокойнее ответил Оливер. – Я больше не могу спать.

– Ты уже давно не спишь?

– Нет, я проснулся только что.

– Это правда? – взмахнул ножом еврей.

– Клянусь, я спал! – горячо заверил его Оливер.

– Ну, ладно... – старик бросил нож на стол. – Конечно, я знал, что ты спишь... просто хотел тебя напугать. Ты храбрый мальчик, Оливер... Ха-ха!.. Ты видел эти хорошенькие штучки, правда, видел?

– Да, сэр, – не стал отпираться Оливер.

– А! – слегка побледнел еврей. – Это мои... мои сбережения к старости. Меня называют скрягой, мой милый. Скрягой, только и всего.

Оливер подумал, что люди не правы: ведь заботиться о стольких детях, конечно же и хлопотно, и дорого. Он так и сказал старому еврею.

– Разумеется, – смягчился тот. – А теперь иди умойся.

Пока Оливер умывался в тазу, шкатулка куда-то исчезла.

Вскоре в комнате появился Плут с приятелем, которого он представил, как Чарли Бейтс. Вчетвером они сели за завтрак, состоящий из кофе, ветчины и горячих булочек, которые принес Плут.

– Ну, – улыбаясь спросил еврей. – Как вы поработали сегодня утром?

– Здорово! – сказал Плут.

– Как черти, – подтвердил Чарли Бейтс.

– Славно!.. Что у тебя, Плут?

– Два бумажника.

– Могли бы быть потяжелее, – посетовал еврей, принимая их у Плути. – Но сделаны хорошо. Согласись, он искусный мастер, Оливер!

– О да, искусный, – простодушно подтвердил Оливер, и Чарли Бейтс вдруг оглушительно расхохотался.

– Ну, а ты что добыл? – обратился еврей к весельчаку.

– Четыре утиралки, – сообщил тот, доставая несколько носовых платков.

– Неплохо. Но ты их плохо пометил, Чарли. Придется спороть метки иголкой. Пожалуй, с этим справится и Оливер. Как, справишься, мальчик?

– С удовольствием, – ответил Оливер.

– Тебе хотелось бы делать носовые платки так же искусно, как и Чарли?

– Очень, если вы меня этому научите, – сказал Оливер – и опять Чарли усмотрел в ответе что-то настолько смешное, что не удержался и прямо покатился со смеху.

– Извините, – сказал он, успокоившись. – Ну уж очень он желторотый!

Плут взъерошил волосы Оливера и успокоил, что со временем тот поумнеет.

После завтрака, когда убрали со стола, старик вдруг устроил игру, которую Оливер никогда прежде не видел. Старик положил в один карман табакерку, в другой – записную книжку, в жилетный карман – часы на цепочке, приколол к рубашке булавку с фальшивым бриллиантом, а потом наглухо застегнул сюртук и принялся расхаживать по комнате взад вперед с таким важным видом, словно он – джентльмен, гуляющий по людной улице. Время от времени он останавливался, словно у витрины, разглядывая что-то и оглядываясь время от времени, будто опасаясь воришек. Плут и Чарли следовали по пятам, но едва старик оборачивался, они тут же оказывались у него за спиной. Оливер от души смеялся над этой игрой. Наконец Плут не то случайно зацепился за ногу старика, не то наступил на нее, а Чарли налетел на него сзади и в мгновение ока булавка, часы, табакерка, записная книжка и даже носовой платок перекочевали в руки мальчиков. Если старик ощущал чью-то руку в кармане, он кричал, где рука – и игру начинали сначала.

Когда в игру сыграли не по одному разу, в комнате появились две юные леди. Одну звали Бет, а другую Нэнси. Держались они славно и непринужденно, и Оливер решил, что они – славные девушки.

Девушкам налили виски, так как они пожаловались, что на улице чересчур холодно. После этого они мило поболтали, а потом Чарли заявил, что пора поразмять копыта, и все четверо ушли.

– Приятная жизнь, не правда ли? – спросил еврей, закрывая за ними дверь. – Они ушли на весь день.

– Они уже покончили со своей работой? – удивился Оливер.

– Совершенно верно. Разве что во время прогулки им подвернется что-нибудь... Бери с них пример, мой милый, бери пример! Делай все, что они прикажут, слушай их советы, а особенно – советы Плути. Он будет великим человеком – и ты тоже можешь стать великим, если будешь подражать ему. Кстати, не торчит ли у меня из кармана носовой платок?

– Да, сэр, – ответил Оливер.

– Посмотрим, удастся ли тебе вытащить его так, чтобы я не заметил. Ты же видел, как мы играли утром?

Оливер одной рукой придержал карман снизу, как это делал Плут, а второй осторожно вытянул платок.

– Готово? – спросил еврей.

– Вот он, сэр! – показал платок Оливер.

– Что ж, ты ловкий мальчуган, Оливер! – похвалил еврей и погладил мальчика по голове. – Никогда я не видел такого шустрого мальчугана. Вот тебе шиллинг. А теперь пойдем, я покажу тебе, как нужно спарывать метки с платков.

Оливер не понимал, почему шуточная кража имеет отношение к его шансам стать великим человеком. Но, полагая, что старик знает гораздо больше его, он послушно подошел к столу и вскоре углубился в новую работу.

Глава X

Оливер ближе знакомится с новыми товарищами и дорогой ценой приобретает опыт. Короткая, но очень важная глава в этом повествовании

Платки приносили каждый день и помногу, так что работы Оливеру хватало. Иногда он принимал участие в игре «Незаметно вытащи». Но, несмотря на хорошее питание и легкую работу, Оливер скучал по свежему воздуху и в конце концов принялся умолять еврея разрешить ему пойти на работу с товарищами. К тому же он боялся оставаться простым нахлебником, так как видел, что старый еврей сурово относится к тем, кто возвращался вечером с пустыми руками: однажды он даже спустил с лестницы Чарли и Плута.

Еврей оставался тверд, но потом платков по каким-то причинам не приносили три дня и делать Оливеру стало нечего. Возможно, это склонило старого еврея однажды утром дать-таки разрешение.

И Плут и Чарли Бейтс шли неторопливо, а Оливер никак не мог понять, куда они направляются и чему будут обучаться. Вскоре Оливер стал подумывать, что они попросту хотят обмануть старого еврея и вовсе не собираются идти на работу. Плут на ходу срывал с ребятни шапки и забрасывал их во дворы, а Чарли время от времени таскал луковицы и яблоки с лотков, стоящих вдоль тротуаров. Оливер хотел уже было сделать товарищу замечание, как вдруг поведение того резко изменилось.

Они только что вышли из узкого проулка, как Плут остановился и, приложив палец к губам, потащил товарищей назад.

- Что случилось? – спросил Оливер.
- Тс... Видишь вон того старикашку у книжной лавки?
- Старого джентльмена на той стороне? Вижу.
- Годится! – сказал Плут.
- Первый сорт! – тихонько рассмеялся Чарли Бейтс.

Оливер ничего не успел сказать, как оба оказались уже на той стороне улицы и подкрались к старому джентльмену.

Джентльмен имел весьма почтенный вид. Он был очень дорого и опрятно одет. На носу громоздились очки в золотой оправе, а в руках он держал изящную бамбуковую трость. Джентльмен взял с прилавка какую-то книгу и внимательно читал ее, не обращая внимание на то, что творится вокруг. А обратить надо было – потому что Плут в мгновение ока засунул руку в карман фрака и вытащил оттуда носовой платок. Передав добычу Чарли, он бросился со всех ног прочь. За ним последовал и Чарли.

Только сейчас до Оливера дошло, каким образом появляются в доме носовые платки и какими трудами наполнилась шкапулка из тайника старого еврея. Несколько мгновений он стоял, как оглушенный, а потом тоже обратился в бегство.

В этот миг джентльмен полез в карман, не обнаружил там платка и, удивленный, огляделся. Он узрел улепетывающего мальчишку и, разумеется, тут же, закричав «Держи вора!», кинулся вдогонку.

Плут и Чарли, спрятавшиеся между тем в подворотне, тоже увидели Оливера и, выскочив из своего укрытия, припустили за ним с воплями: «Держи вора!»

Оливер не обучался философии, но был прекрасно осведомлен, что самосохранение является основным законом природы – и применил этот закон к себе: он летел, словно вихрь, а за ним с ревом неслись старый джентльмен и двое мальчишек.

На каждом углу количество преследователей возрастало и вскоре уже целая толпа бежала за несчастным Оливером! Наконец, кто-то наиболее ловкий подставил подножку и мальчик кубарем полетел по мостовой.

Толпа мгновенно окружила место происшествия. Сквозь плотное кольцо с трудом протолкался запыхавшийся джентльмен.

– Да, – сказал он, всматриваясь в перемазанное грязью лицо Оливера, – кажется, это тот самый мальчик.

В это время толпу растолкал полисмен. Он грубо схватил Оливера за шиворот и встряхнул.

– Право, это не я! – запротестовал Оливер. – Это два других мальчика! Они где-то здесь!

– Не вижу здесь никаких мальчиков! – ответил полисмен, и был прав: и Плут, и Бейтс уже удрали с добычей.

– Не обижайте его! – мягко попросил старый джентльмен.

– Не обижу! – буркнул полисмен. – Ну, вставай!

Оливер поднялся, был тут же схвачен за шиворот и его поволокли по улице. Джентльмен шагал рядом, участливо поглядывая на Оливера.

Глава XI

повествует о мистере Фэнге, полицейском судье, и дает некоторое представление о его способе отправлять правосудие

Оливера доставили в полицейское управление – благо оно находилось поблизости. Мальчик и сопровождавшие его оказались на грязном дворе, куда выходило несколько дверей с небольшими зарешеченными оконцами.

– Что случилось? – поинтересовался вышедший навстречу дородный мужчина со связкой ключей в руке.

– Поймали охотника за платками, – отрапортовал полицейский.

– А вы – пострадавший?

– Да, я... – замешкался старый джентльмен. – Только я не уверен, что это действительно тот мальчик. Мне не хотелось бы давать делу ход...

– Поздно, – отрезал человек с ключами. – Теперь это дело судьи.

Он быстро обыскал Оливера и запер в камере.

Камера мало чем отличалась от уже привычного Оливеру погреба, разве что свету было меньше. В грязи копошились несколько пьяниц, сидевших уже не первый день. Оливер сел у дверей и затих.

Тем временем старый джентльмен пребывал в глубокой задумчивости.

– Что-то есть в лице этого мальчика такое, что привлекает... – бормотал он, похлопывая книгой по подбородку. – Что-то такое... Где же я мог раньше видеть этого мальчика? Где?

– Пора, – оборвал его размышления человек с ключами.

Старый джентльмен вошел в комнату судьи. Судья, мистер Фэнг, сидел в дальнем ее конце, читая утреннюю газету. Настроение его было отвратительным, так как в передовой статье как раз критиковались его решения. Оливер уже сидел около дверей в маленьком деревянном загончике.

– Вот моя фамилия и адрес, – сказал старый джентльмен, подавая визитку судье.

– Кто вы такой? – раздраженно спросил Фэнг, отбрасывая газету. – Полисмен, кто он такой? В чем он обвиняется?

– Ни в чем, – ответил полисмен. – Он вы ступает обвинителем против мальчика, ваша честь.

Судья и без этого знал, кто есть кто – но не собирался копить раздражение в себе.

– Он? Обвинителем? Ну так приведите его к присяге!

– Прежде, – начал было старый джентльмен, – я хотел бы сказать...

– Вас никто не спрашивает! Приведите его к присяге!

Негодование старого джентльмена было безграничным, но он сообразил, что если сейчас покажет свой нор, это только повредит мальчику. Он глубоко вздохнул и покорно принес присягу.

– Ну, – презрительно спросил Фэнг, – что вы можете сказать?

– Я стоял у книжной лавки...

– Помолчите! – оборвал его Фэнг. – Где полисмен? Приведите к присяге полисмена!

Полисмен, привыкший к характеру судьи, тут же рассказал все, что видел.

– Еще свидетели есть? – спросил Фэнг.

– Нет, ваша честь, – ответил полисмен.

С минуту Фенг молчал, а потом, развернувшись к старому джентльмену поинтересовался с нескрываемой злостью:

– Ну, а вы намерены наконец изложить свои обвинения, или нет? Если вы будете тут стоять и молчать, я покараю вас за неуважение к суду!

Старый джентльмен не стал вступать в пререкания.

– Я увидел убегающего мальчика и погнался за ним. Но я думаю, что он не воровал платка, а скорее был сообщником. Надеюсь, это смягчит его участь – ведь он и так уже пострадал...

– О да, конечно! – расхохотался судья. – Эй ты, бродяжка, брось-ка свои фокусы! Лучше ответь, как тебя зовут?

Оливер сидел ни жив ни мертв. Его голова еще кружилась после падения, а страх лишил возможности здраво мыслить, поэтому он или не расслышал слов судьи, или не понял их.

– Полисмен, спроси негодяя, как его зовут! – потребовал судья.

Но и на вопрос полисмена Оливер не отреагировал. Тогда тот, чтобы не усилить бешенство судьи, ответил за мальчика:

– Его зовут Том Уайт, ваша честь. Он так и сказал: Том Уайт.

– Вот как? А где он живет?

– Где придется, – снова ответил за Оливера полисмен.

– А родители? Что он скажет о родителях?

Полисмен наклонился к мальчику, делая вид, что разговаривает с ним, а потом распрямился:

– Он говорит, что родители умерли, когда он был маленьким.

В этот момент силы окончательно оставили Оливера и он потерял сознание.

– Пусть лежит: я знаю, что он притворяется, – велел судья. – А когда ему надоест, сообщите мое решение: три месяца заключения и, разумеется, тяжелые работы.

В этот миг в зал ворвался пожилой человек в старом черном костюме и, тяжело дыша, торопливо прошагал прямо к судье.

– В чем дело? – возопил Фенг. – Немедленно выгнать этого человека! Немедленно!

– Я все видел! – закричал в ответ человек, ничуть не смутившись грозного вида судьи. – Я хозяин книжной лавки и все произошло у меня на глазах. Приведите меня к присяге!

Судья оглядел незваного гостя. Чересчур решительный вид произвел нужное впечатление и судья смилостивился.

– Ладно, – пробурчал он, – приведите его к присяге... Что вы можете сказать?

– Я видел, как три мальчика – этот и еще двое – слонялись по другой стороне улицы. Кражу совершил другой мальчик. Я видел, как это случилось и видел, что вот этот мальчик был не на шутку потрясен происшедшим!

– Почему же вы не явились раньше? – сварливо спросил Фенг.

– Мне не на кого было оставить лавку.

– М-м... ладно. Ввиду новых обстоятельств я постановляю: мальчик свободен. Очистите зал!

Приказание было исполнено незамедлительно, причем для Оливера – в самом скоростном режиме: когда старый джентльмен и книготорговец вышли на улицу, мальчик уже лежал на мостовой двора.

По просьбе старого джентльмена была вызвана карета и Оливера бережно перенесли на сидение.

– Можно я поеду с вами? – спросил книготорговец.

– О, – спохватился старый джентльмен, – конечно-конечно! И я ведь еще не заплатил вам за книгу! О, эта злополучная книга!

Глава XII

в которой об Оливере заботятся лучше, чем когда бы то ни было, и в которой снова повествуется о веселом старом джентльмене и его молодых друзьях

Карета остановилась около чистенького домика на тихой улице близ Пентонвила. Оливера уложили в постель и ухаживали со всем возможным тщанием, но много дней подряд Оливер метался в лихорадке, не видя ничего вокруг. Прошло не меньше двух недель, прежде чем он очнулся.

Оливер привстал и огляделся вокруг себя туманным взором. Комната, где он очутился, была ему совершенно незнакома.

– Где я? – слабым голосом спросил он. Тотчас же полог у изголовья кровати поднялся и старая, добродушного вида леди бережно вновь уложила Оливера на кровать.

– Тише, мой милый, тебе нельзя двигаться, – мягко попросила она. В ее голосе было столько ласки, давно забытой Оливером, что мальчик бесприкословно повиновался – и вскоре заснул, на этот раз более спокойным сном. Очнулся же он тогда, когда почувствовал, что его держат за руку. Около кровати стоял джентльмен, который считал пульс, сверяя его по большим золотым часам.

– Кажется, мальчику лучше, – сказал он с глубокомысленным видом.

– Да, сэр, мне лучше, – подтвердил слабым голосом Оливер.

Доктор очень внушительно кивнул и удалился, скрипя башмаками.

С этого дня Оливер пошел на поправку. На третий день он уже мог сидеть в кресле. Правда, ходить самостоятельно у него еще не получалось и старая леди, которая была экономкой, на руках перенесла его вниз, в гостиную, и усадила поближе к камину.

Над камином висел портрет молодой женщины. Оливер взглянул – и не смог больше отвести глаз. Что-то неуловимо притягательное было этой работе – но что?

– Тебе нравится картина? – спросила экономка, накрывая на стол.

– Я мало видел картин, но... Это удивительная леди. У нее такие печальные глаза, которые, кажется, смотрят именно на меня! У меня даже сердце начинает биться быстрее...

– А вот это зря, – решительно объявила экономка и передвинула кресло так, чтобы Оливер очутился спиной к портрету. – Тебе, мой милый, волноваться нельзя. Лучше покушай-ка бульон.

Пока Оливер ел бульон, густой настолько, что разбавив до нужной консистенции, им можно было бы накормить сотни три бедняков, в гостиную вошел старый джентльмен.

– Здравствуй, Том Уайт, – поздоровался он. – Меня зовут мистер Браунлоу.

– Здравствуйте, – Оливер попытался подняться, но вновь бессильно упал в кресло. – Прошу простить, только меня зовут не Том Уайт, а Оливер Твист.

– Вот как, но на суде ты назвался...

– Я ничего не говорил, это полисмен... – и Оливер рассказал, как было дело.

Мистер Браунлоу только руками развел. В этот момент его взгляд упал на картину.

– Что?! – воскликнул он. – Что это такое?

Оливер был живой копией женщины, изображенной на портрете! Те же черты лица, глаза, лоб – и даже выражение лица, печально-скорбное – было словно скопировано с портрета!

Глава XIII

Понятливый читатель знакомится с новыми лицами; в связи с этим повествуется о разных занимательных предметах, имеющих отношение к этой истории

...Вдоволь насмеявшись над незадачливым приятелем, Плут и Чарли Бейтс вернулись домой. Они предполагали, что арест Оливера несколько огорчит старого еврея – но жестоко ошиблись. Увидев, что друзья вернулись вдвоем, еврей пришел в неопишемую ярость. Схватив Плута за шиворот, он принялся трясти его, что было сил и оскорблять всеми мыслимыми ругательствами!

– Говори, куда делся Оливер, куда? – орал еврей.

– Ищейки его сцапали – и делу конец! – крикнул в ответ Плут. Рванувшись, он освободился из рук еврея и, схватив со стола вилку, принял оборонительную позу. Взревев как бык, еврей подхватил большой кувшин и занес его над головой... В этот миг Чарли Бейтс, не выдержав, повалился на колени и заорал благим матом. Это обстоятельство заставило еврея передумать и удар, предназначавшийся Плуту, сменил адресата. Кувшин полетел в сторону Чарли, но, как бы не был тот занят воем, угрозу он рассмотрел и увернулся.

– Что за черт! – раздался грозный бас. – Какой дурень швырнул кувшин? Хорошо, что в меня попало лишь пивом... Ну, конечно, кто же, как не этот чертов богач, грабитель, старый еврей! Заходи, Феджин, мы сейчас разберемся!

Эти слова произнес крепкий детина лет тридцати пяти в черном вельветовом сюртуке. Шею его закутывал пестрый шарф, длинным концом которого он утирал лицо. Покончив с этим, он пропустил в комнату белого лохматого пса, а потом зашел сам, озирая немую сцену мрачным взглядом. Пятна вокруг одного из глаз свидетельствовали о крепком ударе, полученном совсем недавно.

– Чем это вы тут занимаетесь, жадный ненасытный старик? Мучаете мальчиков? Удивительно, как они вас до сих пор не прикончили!

– Тише, мистер Сайкс, не говорите так громко! – взмолился еврей.

– Ну так объясните мне, что здесь происходит. Только вначале налейте стаканчик вина – но не вздумайте всыпать в бокал яду!

Старик бросил на гостя злобный взгляд и пошаркал к буфету.

Дело не ограничилось одним стаканчиком, но после третьего Сайкс наконец расслабился и велел рассказать все, как есть. Плут так и сделал, благоразумно упустив некоторые детали.

– Я боюсь, как бы Оливер не брякнул чего-нибудь лишнего, – хмуро сказал еврей, обращаясь к Сайксу.

– Все может быть, – злобно усмехнулся Сайкс, наливая новый бокал. – Вас предадут, Феджин, рано или поздно – предадут!

– И, знаете ли, – как ни в чем не бывало закончил еврей, – если наша игра будет проиграна, то это может случиться и с кем-то другим, а для этого кого-то все закончится гораздо хуже, чем для нас...

Детина вздрогнул и пристально уставился на еврея. Но тот рассеянно смотрел в дальний угол, прихлебывая из своего стаканчика.

Повисла тягостная тишина.

– Кто-нибудь должен пойти в участок и узнать, что с Оливером, – сказал, наконец, Сайкс.

Фраза требовала ответа, но оказалась чисто риторической: в комнате не было человека, который бы по своей воле захотел исполнить такое поручение.

Они молчали и переглядывались – и это могло продолжаться очень долго, если бы в комнате не появились две молодые леди, которых однажды видел Оливер Твист.

– Вот кто нам поможет! – немедленно известил старый еврей. – Бет пойдет, вы пойдете, моя милая?

– Куда?

– Всего-навсего в полицейский участок, моя милая, всего-навсего...

Молодая леди не ответила категорически отрицательно, а просто выразила горячее желание «быть проклятой, если она туда пойдет». Эта вежливая и деликатная уклончивость свидетельствовала о прирожденной учтивости, которая мешала огорчить старого еврея прямым и резким отказом.

– Тогда пойдет Нэнси. Вы пойдете, милая моя, ведь так?

– Ни в коем случае, – сообщила та.

– Да ведь ты больше всего подходишь для этого. Ты недавно приехала сюда, тебя мало кто знает.

– И я хочу, чтобы так было и впредь, – сказала Нэнси.

– Ты пойдешь! – настаивал еврей.

– Черта с два, – отвечала Нэнси.

Они перепирались несколько минут, но, наконец, посулы и угрозы сделали свое дело. На Нэнси нацепили чистый белый передник, запрятали кудри под соломенную шляпку, а в руки сунули корзинку – и отправили на задание.

Войдя на двор участка с заднего входа, Нэнси постучала в дверь одной из камер:

– Нет ли здесь маленького мальчика? – спросила она, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте.

– Нет, – ответил чей-то голос.

Этот вопрос – так же, как и ответ, повторились и у дверей следующей камеры, и у следующей... Так как никто ничего не знал, Нэнси обратилась непосредственно к тюремщику и, всхлипывая, потребовала у него рассказать, что случилось с его дорогим братцем...

– Его здесь нет, – сказал старик. – Его оправдали, а поскольку ваш братец плохо себя чувствовал, его увез один добрый джентльмен.

– Какой джентльмен? Боже милостивый! Какой джентльмен! Куда? – всплеснула руками Нэнси.

Старик-тюремщик лишь пожал плечами, но дальнейшие скорбные стоны и всхлипывания заставили его вспомнить, что джентльмен, кажется, называл Пентонвил.

В смятении и растерянности, пошатываясь и плача, Нэнси ушла со двора участка. Выйдя же на улицу, она сменив нерешительную поступь на быстрый бег и окольными путями помчалась к дому еврея.

Выслушав рассказ Нэнси, мистер Сайкс надел шляпу, кликнул пса и быстро ушел.

– Милые мои... – проговорил еврей, когда дверь за Сайксом захлопнулась. – Мы должны обязательно знать, где наш дорогой Оливер... Вот вам деньги – не скупитесь на расходы... А я закрываю эту лавочку. Ни задерживайтесь здесь ни на минуту. Если что узнаете – вы в курсе, где меня отыскать.

С этими словами он вытолкнул всех из комнаты и кинулся к тайнику. Вытащив шкатулку, еврей стал торопливо распахивать драгоценности по карманам. Стук в дверь заставил его отвлечься от этого занятия.

– Кто там? – пронзительно вскрикнул он.

– Это я, Плут.

– Что тебе еще?

– Если мы найдем Оливера, куда его тащить – в другую берлогу, да?

– Да! Хватайте его в любом месте и тащите. Главное – найдите его!

Мальчик буркнул, что все понял и бросился догонять друзей.

– Пока что он не выдал, – проговорил еврей, снова принимаясь за наполнение карманов, – но если он решит болтать о нас, мы сможем заткнуть ему глотку. Да, сможем заткнуть глотку!

Глава XIV

закрывающая дальнейшие подробности о пребывании Оливера у мистера Браунлоу, а также замечательное пророчество, которое некий мистер Гримуиг изрек касательно Оливера, когда тот отправился исполнять поручение

На следующий день после обморока, Оливер, спустившись в гостиную, не обнаружил на стене портрета.

– Мистер Браунлоу велел убрать картину на время, так как она чересчур волнует вас, – сказала экономка.

– Но она мне очень нравилась! – попробовал возразить Оливер.

– Очень хорошо, – мягко успокоила его старая леди. – Выздоровливайте поскорее – и картина вернется на свое место.

Она угостила Оливера хорошим завтраком, а пока он ей – развлекала историями о своей дочери, вышедшей замуж за очень хорошего человека и живущей сейчас в деревне, о сыне, который служил клерком в Вест-Индии. После завтрака экономка взялась обучать Оливера игре в крибидж, который мальчик усвоил очень быстро.

Дальнейшие дни походила на этот: Оливер исправно кушал, слушал рассказы экономки и играл с ней в крибидж, потихоньку выздоравливая. Он уже ходил самостоятельно и мистер Браунлоу распорядился купить ему новый костюм. А прежний Оливер попросил отдать старьевщику и вздохнул с облегчением, когда эта просьба была исполнена: он надеялся, что все прошлые беды и опасности уйдут вместе с этими жалкими лохмотьями.

Однажды, спустя неделю после истории с портретом, мистер Браунлоу попросил привести к нему Оливера. Мистер Браунлоу ожидал в своем кабинете, обставленном высокими шкафами с книгами. Окно кабинета выходило в маленький красивый сад.

– Здесь много книг, верно? – спросил мистер Браунлоу, заметив удивление мальчика.

– Да, сэр. Я никогда не видел столько...

– Когда-нибудь ты прочтешь их все, – заверил его мистер Браунлоу. – А сейчас я хочу поговорить с тобой очень серьезно.

– О, сэр, – испугался Оливер, – пожалуйста, не прогоняйте меня! Не заставляйте меня снова бродить по улицам! Позвольте мне остаться и быть вашим слугой! Пожалейте бедного мальчика!

– Милый, – растроганно сказал мистер Браунлоу, – тебе нечего опасаться. Я хотел пока лишь подробнее расспросить тебя, кто ты и откуда. Мне известно лишь то, что ты сирота.

Пока Оливер всхлипывал и обирался с силами, чтобы поведать о своих злоключениях, в кабинет заглянула экономка и сообщила, что пришел мистер Гримуиг.

– Он идет сюда?

– Да, сэр. Он спросил, есть ли в доме сдобные булочки и когда получил утвердительный ответ, сказал, что пришел пить чай.

Мистер Браунлоу улыбнулся и пояснил Оливеру, что мистер Гримуиг – его старый друг и потому Оливер не должен обращать внимания на несколько грубоватые манеры этого достойнейшего человека.

– Мне уйти вниз, сэр? – спросил Оливер.

– Нет, останься тут.

Мистер Гримуиг оказался дородным старым джентльменом, опиравшимся на толстую трость. На нем был синий фрак, полосатый жилет, а на голове – широкополая белая шляпа с зеленой каймой. Пестрый наряд дополняла манера говорить, слегка склоняя голову на бок, отчего он становился похож на большого старого попугая.

– Это и есть тот самый Оливер Твист? – вопросил он с порога. – Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, сэ, лучше.

– Теперь ступай вниз, – сказал мистер Браунлоу, – и подожди там. Ну, как он тебе? – обратился он уже к гостю, когда Оливер вышел.

– Не вижу никакой разницы между мальчишками. Они у меня делятся на две разновидности – мучнистые и мясистые – вот и все.

– И к какой разновидности относится Оливер?

– Конечно к мучнистой. Он худ и бледен – ничего общего с мясистыми. Но откуда он взялся?

Мистер Браунлоу развел руками:

– Я хочу расспросить Оливера завтра утром, наедине, а ты, мой друг, приходи позже, часов в десять – и тоже узнаешь все.

– Боюсь, он тебя обманет, – шепотом сообщил мистер Гримуиг.

– Ни за что! – горячо прошептал Браунлоу.

– А я говорю...

Перешептывание могло длиться долго, если бы не экономка, которая внесла стопку книг, которые мистер Браунлоу купил накануне у книготорговца.

– Задержите посыльного, – попросил Браунлоу. – Я передам с ним деньги. И несколько книг нужно вернуть – они мне не потребуются.

Экономка бросилась выполнять распоряжение, но мальчишки-посыльного и след простыл.

– Какая жалось! – расстроился Браунлоу. – Я хотел рассчитаться немедленно...

– А вы пошлите деньги и книги с Оливером, – иронично улыбаясь, предложил мистер Гримуиг.

Мистер Браунлоу хотел было возразить, что Оливер недостаточно здоров для дальних прогулок, но злорадное покашливание приятеля заставило его изменить решение.

– Хорошо. Отправьте Оливера. Дайте ему эти пять фунтов и скажите, чтобы принес сдачу в десять шиллингов.

Оливер надел новую куртку, спрятал банкноту во внутренний карман и, взяв книги под мышку, вышел из дома. Экономка проводила его до калитки.

– Да благословит тебя господь, – прошептала она, глядя вслед мальчику. – Почему-то мне трудно отпускать его от себя!

– Посмотрим, сумеет ли Оливер вернуться быстрее, чем за двадцать минут, – сказал тем временем мистер Браунлоу, вынимая из жилетного кармана часы.

– Вы уверены, что он возвратится? – насмешливо спросил мистер Гримуиг. – На нем новый костюм, в кармане немалые деньги, а под мышкой – дорогие книги. Да он сейчас же побежит к своим друзьям-ворам и в их компании посмеется над вашей наивностью, мой друг!

Он придвинул стул поближе к столу, на котором лежали часы. Приятели принялись ждать.

За окном начало потихоньку смеркаться, а Оливер все не возвращался...

Глава XV

показывающая, сколь нежно любила Оливера Твиста мисс Нэнси

Оливер торопливо шагал по улице, размышляя на ходу о том, как удивились бы его друзья по работному дому, увидев его сейчас: чистого, опрятного, с книгами в руках. За размышлениями он нечаянно повернул не туда и осознал ошибку только пройдя полпути. Оглядевшись, он сообразил, что, идя дальше, может все равно вернуться на нужный маршрут и в этот момент чьи-то руки заключили его в цепкие объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.